

Марина Морт

ПОКУДА Я НЕ ИЗЖИВУ СЕБЯ

Марина Морт

Покуда я не изживу себя

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20615463
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Они появились в канун Дня Всех Святых – Ян говорил, что это одна из тех особых дат, когда пробуждается каждый не нашедший покоя дух. Это был знак, знак для меня, вещающий о том, что я на верном пути. «Зафиксировать себя в мире живых, дабы кануть в небытие...», – безмолвно прошептала себе я. И, выйдя со стены, двинулась вслед за новоселами...

Содержание

Часть 1	4
Пролог	4
Глава первая. Самоотречение	7
Глава вторая. Страдаю, значит существую	12
Глава третья. Упоение ужасом	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Морт

Покуда я не изживу себя

Часть 1

Пролог

Я наблюдала, как они брели по коридору – юная молчаливая девушка и женщина средних лет. Живые, наивные, исполненные бредовых надежд новоселы.

Отчаяние давно стало моим синонимом.

Сегодня я решилась, хотя еще несколько лет назад даже мысль о подобном внушила бы мне отвращение. Так всегда делал Ян, за что я его ненавидела, но его игры закончились плохо, и теперь я обитаю здесь в одиночестве, так что никто не посмеется над тем, как легко я нарушаю собственные табу.

Я надеюсь, что сумею себя простить. Мне просто хочется рассказать обо всем кому-то, оставить след в нелепом мире живых. Зафиксировать себя на цифровой носитель. Исповедоваться, прежде чем кануть в небытие. Ну а что касается метода...у меня просто нет иного выхода.

Выйдя со стены, я двинулась вслед за новоселами.

От них исходило тепло – бешенная энергия жизни... Я обогнала их, и девушка остановилась, почувствовав дуновение Иного Мира.

– Что случилось? – спросила ее спутница.

– Мне показалось...нет, все в порядке. Идем.

Это определило мой выбор – я помнила, Ян всегда говорил, что надо выбирать хорошего, чувствительного посредника, иначе ничего не получится. Тем более она напоминала меня саму – ее молодость, ее короткие темные волосы и некая отрешенность.

Я молниеносно направилась ей навстречу, но вместо того, чтобы просто пройти сквозь ее тело, задержалась в нем, прочувствовала его, титаническим усилием воли заставила себя разлиться по венам, проникнуть в каждый нерв, посмотреть на мир ее глазами. Она вздрогнула и упала на пол, содрогаясь в конвульсиях. Этот танец единения с потусторонней сущностью был похож на припадок эпилептика.

«Ты – это я, ты – это я...» – повторяла я, словно мантру. «Просто перестань противиться моей воле...»

Ее разум потерял контроль над плотью. Я заставила все еще слабо сопротивляющееся тело подняться на ноги. Женщина смотрела на меня с гримасой ужаса.

– Вероника, что с тобой?

– Это просто судорога, – сказала я. – Такое случается.

Я мысленно приказала ей забыть, ее взгляд

затуманился, и спустя несколько минут она успокоилась, не помня абсолютно ничего, что случилось в коридоре.

Оказалось, они шли ужинать. Я вяло поковырялась в тарелке – потребление пищи внушало мне отвращение. Возможно, тело Вероники и испытывало голод, но я давно забыла, что это такое. Ее сущность бессильно паниковала где-то на периферии сознания, но мне легко удавалось ее блокировать. Обрести материальную оболочку после десятилетий бесплотности показалось противным – будто натянуть на себя содранную и уже начинающую гнить изнутри кожу. Тем более я ничего не ощущала – только дергала за веревочки, словно кукловод-извращенец. Резиновая марионетка повиновалась плохо, с задержкой в секунду, и эти искажения меня раздражали.

Я решительно отодвинула тарелку и встала из-за стола.

– Я не хочу есть. Я хочу кое-что записать.

С лэптопом проблем не возникло – пальцы Вероники помнили, как танцевать над клавиатурой. Мне оставалось только посылать импульсы. Я забаррикадировалась в одной из комнат – пыльном убежище воспоминаний и пауков. Октябрьская ночь входила в свои права и обещала быть долгой, если не вечной. Что ж, у одержимой впереди было много работы.

Глава первая. Самоотречение

Я никогда не тешила себя надеждами о счастливом будущем. Когда мне исполнилось пять, я заподозрила, что жизнь не имеет никакого смысла. К пятнадцати я была в этом твердо уверенной. Старшая дочь богатых, но нерасторопных, приземленных родителей, живущих только материальными ценностями и не ищущих ни знаний, ни смысла. Моя мать была из когда-то знатного рода, отец – из простолюдинов, сумевших разбогатеть на торговле. У нее были деньги, у него – смекалка, и через несколько лет супружеской жизни они накопили состояние, которого должно было хватить на безбедную жизнь не только им, а даже их правнукам.

Они выкупили немного простоватый по архитектурному замыслу, зато большой дом в районе города, населенным в основном ремесленниками и мелкой буржуазией, и спустя год обзавелись еще одним ребенком, который, к сожалению отца, тоже оказался девочкой. Я была равнодушной к сестре точно так же, как и к родителям. Позже к равнодушию добавилась тень ненависти – когда я осознала, что была обречена на бытие по вине их похоти.

Сам город, в котором мы жили, был серым и угнетающим, окруженным маленькими деревнями, лесами и бесчисленными болотами. Он зиждился на торговле, и кроме ежедневной суетной рутины трудно было отыскать в нем что-то

примечательное. Возможно, именно город воспитал во мне неисправимого меланхолика, и именно эта атмосфера заложила в мою душу склонность к самоуничтожению. Впрочем, сейчас это уже значения не имеет.

В какой-то момент все стало стремиться к неизбежному упадку. Стены покрывались мхом. Ночи и дни сменяли друг друга в гнусном вальсе бытия. Меланхолия не покидала меня ни ночью, ни днем. Однажды меня посетила мысль уйти в монастырь, но я, брезгливо поморщившись, отогнала ее от себя подальше. Я верила в Бога, но не в лживые догмы церковнослужителей.

Еще хуже все стало, когда мать озаботилась моей судьбой и начала искать для меня подходящую партию. От одного вида кандидатов меня подташнивало. Я не любила мужчин – впрочем, женщин я не любила тоже.

В семнадцать лет меня уже порядком тошнило от этой жизни. Я начала помышлять о самоубийстве. Эта возможность, освободится от жизненных оков, завораживала и медленно отравляла мой разум. Я никогда не боялась смерти, а тогда и наоборот, восприняла ее как спасение.

Друзей у меня не было, так что иногда я в одиночестве скиталась парком или заброшенным кладбищем, погружаясь в свои мрачные размышления, и однажды вечером поняла, что все уже предрешено.

Спокойная и умиротворенная, я отправилась на набережную – островок красоты посреди серого торгового городка,

выстроенный многими поколениями князей и закрепивший за собой среди горожан насмешливое название «Венеция». Темные воды реки медленно размывали берег и опоры моста. В еле заметном течении можно было разглядеть возведенный, опять же, княжеской семьей, костел Святого Антония с устремляющимися ввысь шпилями и седое небо – перевернутое отражение райских сфер. Ледящий душу зов бездны...

Я не стала медлить, растягивать процесс – возможно, в страхе что смелость меня покинет, если я подожду еще хоть немного. Убедившись, что рядом нет случайного свидетеля, я быстро перелезла через хлипкий парапет – оставалось только разжать ладони. В моем сердце не было сомнений.

Я отпустила поручень и соскользнула с моста вниз. Через секунду холодная вода поглотила меня. Я покорно захлебнулась и медленно опускалась ко дну. У меня больше не было тела – оно стало абсолютно чужим и неподвижным. «Вот что такое – кануть в Лету...» – пронеслась в моем сознании последняя мысль.

А потом предо мной предстала Тьма.

* * *

Мир медленно обретал свои очертания – туман сгущался, образуя контуры предметов. Я осознала себя и поняла, что все еще существую. Оглядевшись, я увидела подвергнувшуюся

странным метаморфозам набережную – ни солнечного луча, ни пения птиц, даже звуки города было слышно как из-за слоя ваты. Предметы тронуло еле заметное разложение – где-то появились трещины, что-то покрылось слоем пыли или слоем ржавчины.

И чувство всепоглощающего одиночества...

Я быстро выкинула из головы мысли про ад – без сомнения, это было то самое место, где я умерла. В своей смерти я была абсолютно уверена. Темная вода беспрепятственно протекала сквозь меня – сквозь тень, жалкое подобие откинутого тела... Но меня не мучили сожаления – даже теперь, когда у меня ничего не осталось.

Я вышла из реки на берег и только тогда заметила людей. С брезгливой осторожностью они извлекали из воды самоубийцу. Посмотрев в свое мертвое лицо, я не испытала никаких эмоций. Зато я почувствовала, что испытывают те люди – смесь жалости и отвращения. Их чувства захлестнули меня подобно волне – абсолютная эмпатия. Поедание чужих переживаний с целью заполнения собственной пустоты.

Случайная свидетельница, молодая женщина, при взгляде на мой труп ощутила ужас – и я его переняла тоже. Он был сладкий – слаще карамели, хотя сравнения с физическими ощущениями и предметами здесь не совсем уместны. Я впитывала его в себя, пока поток сего чувства совсем не иссяк, а когда он закончился, опять очень остро ощутила пустоту.

Через несколько часов меня наконец-то опознали и отда-

ли тело родителям. Я не буду столь сентиментальной, дабы в подробностях описывать далее происходящие события. Конечно же, мать с отцом плакали но, наверное, не столь от утраты, как от позора – тогда, в начале прошлого века, на самоубийство было наложено табу столь сильное, что ныне подобный запрет сложно помыслить. По городу поползли разнообразные слухи, здорово повредившие семейной репутации; священник отказался отпевать столь великую грешницу, как я. Отец все же сумел договориться с могильщиком, и меня погребли на кладбище, а не где-то на отшибе, как поступали со всеми остальными пропащими людьми, посмевавшимися распорядится временем своей смерти. На моем надгробии не было ни креста, ни фотографии – только имя и две даты, между которыми черточка пролегла столь короткая, как и моя бредовая жизнь. К тому времени, когда последняя пригоршня земли была брошена в могилу, я стала достаточно мудрой, дабы о ней, жизни, не горевать.

Глава вторая. Страдаю, значит существую

Каким-то образом я знала, где нахожусь, когда меня нет – там, под двумя метрами сырой, холодной земли, в темном тухлом гробу, сливаясь с разложением в могильной оргии. Спокойная и умиротворенная, я спала там так сладко, что любое бытие казалось величайшей нелепостью. Нет в человеческом языке нужных слов, дабы обозначить ими то состояние блаженства, ту нирвану, которое люди называют небытием и принимают за большое зло. Я погрузилась в это состояние через несколько дней после своих похорон и думала, что оно продлится вечно. Это могло бы окупить с лихвой все пережитые мной страдания, но наступил момент, когда оно прервалось. Первое Пробуждение было одним из важнейших этапов, которые я прошла по ту сторону жизни, мне хочется остановиться на этом и рассказать немного подробнее.

Сперва появился звук. Он раздался так внезапно среди всепоглощающей тишины, что я невольно содрогнулась и никак не могла понять, что это, только несколько минут спустя осознав, что звук тот был колоколом, пробившим полночь. Сон был прерван, к моему величайшему ужасу, мне стало невыносимо, страшно, пусто, холодно, эти ощущения захлестнули меня подобно темным водам реки, в которой я

утонула. Я не знала, что мне делать, куда мне деваться от себя, от странного подобия внезапного бытия, нежеланной жизни, которую я так старательно пыталась изгнать, подобно демону, из своего тела и которая вновь меня настигла.

Я начала паниковать и устремилась куда-то, туманным клочком сознания восстав из своей уютной, родной могилы. Надо мной распростерлась ледяная кладбищенская ночь, звезды тлели мириадами угольков, серп луны был тонок, подобно волосу. Мне хотелось плакать, кричать, сделать себе больно – все, все что угодно...но слез не было, равно как и физической боли, только боль душевная, невыносимая и, чего я начинала всерьез опасаться – вечная. И я кричала посреди кладбища, вливая в этот крик все свое отчаянье, всю себя, весь ад, который был мной в тот момент; я кричала, зывая к слепым небесам и, чего следовало ожидать, оставалась не услышанной, отвергнутой, неприкаянной.

Позже, немного смирившись со своим отчаяньем, я окинула взглядом вереницы надгробий и подумала о других мертвецах – в конце – концов, должен ведь кто-то еще скинуться! Не касаясь земли, я двинулась вдоль аллеи, прислушиваясь к каждому еле слышному шороху, каждому шепотку, но все до единого они спали там, под землей, самозабвенно отдаваясь Вечному Покою. Я точно знала это, буквально ощущая испарения блаженства над их последними убежищами. Больше всего на свете мне хотелось присоединиться к ним. Горькая ирония – того же мне хотелось и при жизни.

Ветви деревьев лениво скрипели, шуршали сонные вороны крылья. По дороге около кладбища прошел запоздалый путник. Я обследовала все кладбище несколько раз. К тому времени моя боль утихла, став почти привычной меланхолией.

Бесплотность не доставляла неудобств, наоборот, казалась сто лет привычной. Еще в тот день, когда мой труп извлекли с реки, я поняла, что пребывание в живом теле не несет ничего хорошего – разве что возможность глушить душевную боль физической... Это было единственным его достоинством. Точно с таким же равнодушием я отнеслась к собственной плоти, как относилась к плоти чужой – без намека на влечение.

В ту ночь я не покинула пределов некрополя. Уставши от бессмысленных скитаний, я вернулась к сырому холмику собственной могилы и прильнула к нему, желая погрузиться глубже, вернуться в небытие. «Господи!» – неистово молила я, «услышь меня, взывающую из бездны отчаяния. Пусть будет Вечный Сон. Позволь мне уснуть, сладко и навсегда...»

Когда на горизонте загорелось утро, я почувствовала некий зов, холодное дуновение Иного Мира. Покой лег на меня желанным грузом; будто бы во врата, я вошла сквозь слой земли в свою могилу и опять погрузилась в великое прекрасное забвение.

Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, сколько равнодушных ночей сменили друг друга, прежде чем я опять была вырвана из небытия. С небес взирала идеально круглая луна, осень достигала апогея. Я оставила кладбище и устремилась к дому, где обитала когда-то – когда дышала и обладала плотью. Горечь наполняла меня до края – больше в душе ничего не смогло бы вместиться, она была переполнена, и одновременно с этим – пуста. Я плыла в воздухе в нескольких сантиметрах над землей, сохраняя привычный образ мертвой девушки со слегка выющимися волосами и худощавой фигурой, хотя отчаянно ненавидела раньше свое тело. Я еще не знала, способны ли меня видеть живые.

Очень скоро я добралась туда, куда стремилась: дом спал посреди пылающего желтым и кровоточащего багровым, умирающего, мирного сада, где я часто сидела под какой-нибудь яблоней, читая книгу или просто погружаясь в собственные разрушительные мысли.

Эти кирпичные замшелые стены воззвали ко мне в ночи голосами из прошлого; я услышала, направилась к ним, пройдя сквозь запертую кованую калитку, легким касанием сбив ледяную полуночную росу с хризантем, вольно растущих у тропы, и предстала на крыльце дома, который помнил меня, будучи не в силах постучать в дверь своей бесплотной

рукой.

Я просочилась вовнутрь вместе с леденящим сквозняком – воющим, будоражащим, печальным. В холе погасла керосиновая лампа, погасли свечи, ночи напролет озаряющие мой маленький портрет, который мать обвила черной лентой и поставила на круглом дубовом столе.

Скорбела ли она от чистого сердца? Нет, скорее траур в моей семье был данью приличиям, которые меня никогда не заботили.

Очень осторожно я поднялась поскрипывающей лестницей на второй этаж и вошла сквозь стену в свою комнату – вернее, комнату той меланхолической девушки, которой была когда-то. Все мои вещи лежали нетронутыми, покрываясь слоем пыли, я прикоснулась к оставленной на столе раскрытой книге, и хоровод пылинок взмыл в воздух, заискрился, затанцевал в лунном свете.

Теперь мне захотелось прояснить для себя еще одну тайну. В углу стояло большое зеркало, загнанное в раму, щедро украшенную резьбой. Я приблизилась к нему и посмела взглянуть в темную гладь. Меня не было. Я оказалась плодом собственного воображения, эфемерной потусторонней сущностью.

«Значит, меня никто не увидит...»

Я отступила назад. На меня опять нахлынула волной загробная пустота, не имеющая нужного слова для обозначения в языке живых, но наиболее напоминающая стократ уси-

ленную депрессию.

Я тщетно попыталась уткнуться лицом в прозрачные ладони, расплакаться призрачными слезами, смежить стеклянные веки над остекленевшими глазами.

Сквозь меня прошел лунный луч. Он звенел мириадами ледяных колокольчиков, поющих о скитаниях в ночи. Я, все еще не в силах прервать горькие стенания, случайно скользнула взглядом по злополучному зеркалу, и застыла от изумления. У меня появилось отражение – или, по крайней мере, его подобие. Сияние луны, мистической жемчужины незыблемой ночи, еле заметно обозначило мой силуэт, который волновался, подобно воде, от наименьшего движения.

Я закружилась, пародируя давно забытые вальсы – мое отражение повторило все вслед. Покинула пределы лунного света – оно исчезло, вернулась – оно появилось вновь.

«Я есть» – пульсировала единственная мысль в моем сознании. – «Конечно же я есть. Страдаю – значит, существую»

Глава третья. Упоение ужасом

Так продолжалось довольно долго: я спала вечным сном, и это было блаженством; пробуждалась по воле неведомых сил – и ощущала пустоту. Никаких чувств кроме либо покоя, либо разнорodной печали.

В то же время я знала, что могу воспринимать чувства людей, находящихся поблизости. Они поглощали, обрушиваясь на меня волной, невероятно сильной и мощной. Было в этом что-то извращенное, но и прекрасное одновременно. Больше всего мне нравилось, когда люди испытывали страх. Он приятно будоражил, разливаясь по моему эфемерному телу, он был восхитителен, он был сладок. Чужие чувства наполняли меня смыслом, которого у меня самой никогда не было.

Я скиталась по городу ночи напролет. Сотни раз я возвращалась в свой дом и сидела в окружении знакомых вещей, пока могила не забирала меня обратно. Вещи эти были пыльными, состарившимися на много десятилетий, хотя прошло не больше года. Время я отмеряла по людям. Моей сестре исполнилось пять. Она просыпалась посреди ночи и плакала, когда я находилась рядом, хотя не видела меня. Куда бы я не шла, скорбь и ужас, ужас перед смертью следовали за мной темным шлейфом. Живые ощущали меня, как и я их.

Вместе с порывами ледяного ветра я летала над фонарями

и крышами. В зловещую полночь дергала за веревку церковный колокол, раз за разом в мельчайших подробностях повторяла свой прыжок с моста в темные речные воды. Однажды я проникла сквозь кирпичную кладку в костел Святого Антония и сумела симпровизировать на органе какую-то мелодию, отчего священник побледнел и горячо перекрестился.

Обычно, уже достаточно вкусив чужого страха, я отправлялась назад на кладбище. Все-таки моя меланхолия была сильнее, чем пустота и жажда ее заполнения. Она была моей сутью, потому что даже смерть не зачеркнула ее и, возможно, благодаря ей я и обрела плачевное положение неприкажной души. Меланхолия была виновницей моего самоубийства, она же связывала меня с миром живых – единственная черта, которую я сохранила в себе по ту сторону жизни.

Смешно: я убивала, я умирала, я же скорбела над своей могилой. Это было похоже на бред человека, страдающего шизофренией. Я действительно страдала, но никак не раздвоением личности, а чистейшим страданием, которое ведомо лишь тем, кто познал небытие, а затем вновь обрел себя в ненавистном мире.

Помню, однажды мне захотелось записать что-нибудь в дневнике, который был спрятан под неприкрепленной к полу доской в своей комнате и который так никто и не нашел. Я извлекла блокнот в кожаном переплете из тайника, вывела пером несколько букв, но чернила тут же тускнели и исче-

зали, а страницы рассыпались в пыль от моего прикосновения. Я пробовала рисовать, пробовала выцарапать на столе послание, но карандашный грифель осыпался, а царапины разрастались в паутину мельчайших трещинок, так что уже не можно было узнать смысл слов. И тогда я поняла простую истину: я не могу оставить никакой след в мире живых кроме ужаса в глазах тех, кто меня замечал.

«Что ж», – подумала тогда я. «Пусть будет так. Наверное, только один из десятков тысяч после смерти становится бесплотным духом. Все остальные получают свой *requiem aeternus*¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.